

КРЫМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

А. С. ПУШКИНА

(Материалы Всероссийского форума, посвящённого 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.)

Ниже публикуются материалы научной конференции, состоявшейся 6 июня 2014 г. в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина в Пушкинских Горах. В конференции, которая прошла в рамках Всероссийского форума, организованного кафедрой культурологии Псковского государственного университета, приняли участие преподаватели, студенты и аспиранты вузов Крыма, ПсковГУ и других российских учреждений образования и культуры, сотрудники Пушкинского заповедника.

УДК82.0(092)

Н. В. Цветкова

КРЫМ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПУШКИНА

В статье прослежено значение пушкинского пребывания в Крыму и влияние южных впечатлений на его творчество последующих лет. Приведенный сравнительный анализ впечатлений Пушкина, изложенных в «Отрывке из письма к Д.», с восприятием тех же реалий, отраженных И. М. Муравьевым-Апостолом в его книге «Путешествие по Тавриде в 1820 г.» (1823), говорит об особом характере памяти каждого путешественника.

Ключевые слова: Крым, южная лирика, южные поэмы, «Евгений Онегин», эстетическая память.

N. V. Tsvetkova

CRIMEA IN PUSHKIN'S LITERARY BIOGRAPHY

The article explores the meaning of Pushkin's arrival in the Crimea and the influence of his southern impressions upon his later literary works. The comparative analysis of Pushkin's impressions which can be found in "An Extract from the Letter to D.", to the impressions of by I. M. Muravyov-Apostol (1823) presented in the book "The Journey Around Tavrida in 1820" tells us about a particular memory each traveller has.

Key words: the Crimea, southern lyrics, southern poems, "Eugene Onegin", aesthetic memory.

В письме к брату от 20 сентября 1820 года Пушкин подробно изложил историю и маршрут своего путешествия на Кавказ и в Крым: «Приехал в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня <...> в бреду <...> Сын его <...> предложил мне путешествие к Кавказским водам <...> Инзов благословил меня на счастливый путь <...> Кавказский край,

знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. <...> С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посереде кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от города *Пантикапеи*. <...> Из Керчи приехали мы в Кефу <...> Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в *Юрзуф* <...> Ночью на корабле написал я *Элегию* <...> Корабль плыл перед горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа. Там прожил я три недели» [7, X, с.16–18].

Впечатления от Крыма были настолько сильны, что Пушкин через 4 года после настоящего путешествия возвращается к ним, чему способствовала и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 г.», вышедшая в 1823 в Петербурге. В Михайловском Пушкин пишет письмо А. Дельвигу (25 декабря 1824 г. — декабря 1825 года), вспоминая свое путешествие. И часть письма предоставляет своему другу для публикации в его альманахе «Северные цветы». Так появляется «Отрывок из письма к Д.», исполненный в жанре эпистолярного «путешествия».

Что вспоминал Пушкин в этом произведении, приготовленном для публикации? Переезд на корабле из Тамани в Керчь, где посетил развалины Пантикапеи — столицы Боспорского государства, основанного приблизительно 2,5 тыс. лет назад на северном побережье Чёрного моря, государства греческого со всеми признаками античной культуры. Вспоминал гробницу Мидридата — царя Понтийского и Боспорского, по преданию покончившего с собой на вершине горы. Пребывание в Гурзуфе, где «жил я сиднем, купался в море», наслаждался природой, «любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы» [7, VI, с. 429], у Пушкина связано с воспоминанием о «молодом кипарисе», к которому он «привязался чувством, похожим на дружество» [7, VI, с. 429]. Такое же сильное впечатление он испытывает в путешествии по самому Крыму, но не от кипариса, а от березы: «<...> северная береза! Сердце мое сжалось: я уже начал тосковать о миллом полудне, хотя все еще находился в Тавриде» [7, VI, с. 430]. «<...> ссыльный Пушкин оказался впервые на юге в непосредственной близости к местам, смежным со странами древних культур. Пейзаж Крыма и Кавказа, Черное море, отдельные слабые, но всё же живые следы древнего мира приближали его к конкретному пониманию, и самая природа юга невольно объяснялась соотношениями с природой Греции и Италии, до некоторой степени аналогичной природе Крыма» [15, с. 129].

Пушкин признается: в путешествии по «полуденному берегу» «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы» [7, VI, с. 430]. С этим местом в Крыму связывали миф об Ифигении. Культ Девы был распространен еще у древних тавров; храм ее был вблизи Херсонеса.

Вспоминает Пушкин и то, как, находясь в Бахчисарае, куда приехал больным, он посещает дворец, совершенно разочарованный видом испорченного фонтана, испытывая досаду на «небрежение, в котором он истлевет»; «почти насильно»

[7, VI, с. 430–431] проводник ведет его на развалины гарема и ханское кладбище. «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался» [7, VI, с. 431], — констатирует поэт.

Как считает Б. В. Томашевский, «именно последняя часть «Отрывка...» Пушкина находится в зависимости от книги Муравьева-Апостола» [9, с. 116], личности по-своему оригинальной и талантливой. Он был отцом трех декабристов, по отзывам современников (в том числе К. Н. Батюшкова, Н. И. Греча), человеком блестящего ума, необыкновенной эрудиции и многих талантов, эстетом, полиглотом и библиофилом (имел уникальную библиотеку), объездил почти всю Европу.

«Путешествие по Тавриде...» — книга И. Муравьева-Апостола, в которой описывается его путешествие по Крыму, где ее автор находился с 11 сентября по 25 октября 1820 г. «Книга состоит преимущественно из исторических и археологических разысканий», — пишет Б. В. Томашевский [10, с. 553]. Она содержит ценные сведения по археологии, флоре и фауне Крыма, характерные подробности городской, сельской и монастырской жизни, колоритные описания восточных обычаев. Автор ее высказывает мысль о необходимости сохранения «драгоценных остатков древности». Книга была высоко оценена не только А. С. Пушкиным, но и А. С. Грибоедовым, гостившим на полуострове в 1825 году.

Дельвигу Пушкин писал: «Путешествие по Тавриде» прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время, как И. Муравьев-Апостол. Очень жалею, что мы не встретились. Оставляю в стороне остроумные его изыскания; для поверки оных потребны обширные сведения самого автора. Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений» [6, с. 385].

Читатель «Отрывка...» замечает, как Пушкин в тексте письма старательно соизмеряет свои впечатления с реакцией ученого Муравьева-Апостола, которому интересны созерцание исторических и археологических памятников, их значение, изучение, описание. Пушкин остается равнодушным к древним развалинам. Поэт признается, что, работая над «Отрывком из письма к Д.» «в черновом тексте после упоминания Митридатовой гробницы» напишет «воображение мое спало, хоть бы одно чувство, нет» [7, VI, с. 553]. И даже в опубликованном тексте он вынужден честно признаться, что рядом с Митридатовой гробницей «сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только» [7, VI, с. 429]. В Крыму его волнует море, природа, совершенно необыкновенная, и ночью загадочная: «Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было видно, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы...» [7, VI, с. 429]. Именно в описанное время Пушкин, как признается в письме к брату Льву, «Ночью на корабле написал я Элегию»:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило.
Волнуйся подо мной, угрюмый океан ... [7, II, с. 7].

Как писал Л. С. Выготский, «интеллектуальные процессы оказываются только частичными и составными, служебными и вспомогательными в том сцеплении мыс-

лей и слов, которое и есть художественная форма. Самое же это сцепление, то есть самая форма, как говорит Толстой, составлена не мыслью, а чем-то другим. Иначе говоря, если в психологию искусства и входит мысль, то вся она в целом не есть все же работа мысли» [3, с. 127]. Ученый говорит об особом способе воспринимать мир, осмыслять его художником слова, которому и в сфере его познания открывается, в отличие от ученого, свое, особое. Так, самыми живыми впечатлениями становятся море (к нему в элегии поэт обращается) и кипарис, о которых Пушкин пишет в «Отрывке из письма к Д.»: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот все, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти» [7, VI, с. 429]. «Признания Пушкина свидетельствуют, что дни, проведенные в Гурзуфе, ознаменованы душевным успокоением. <...> Именно с первых дней пребывания в Крыму Пушкин работает над новыми своими произведениями <...>» [9, с. 104]. Образы моря, экзотической южной природы не случайно станут главными в элегии «Погасло дневное светило...».

Б. В. Томашевский отмечает, что это стихотворение «было первым из написанных в ссылке, которое появилось в печати» [9, с. 20], оно открывает собой, новый «романтический» период творческой жизни Пушкина, по-новому ставит вопросы индивидуальной психологии» [9, с. 22]. В этой элегии «впервые Пушкин углубляет образ современника, раскрывая его методом самонаблюдения» [9, с. 22]; «образы природы специфичны: это природа необычная, далекая от природы «туманной родины», природа, взятая в интенсивном выражении», изображаемая обобщенно» [9, с. 23].

Образы моря и природы Крыма станут любимыми в романтических стихах южной ссылки: «Редеет облаков летучая гряда», «Кто видел край, где роскошью природы...», «Таврида», «Завидую тебе, питомец моря смелый...» вплоть до стихотворений михайловской ссылки: «К морю», «Ненастный день потух...». Томашевский считает, что «<...> самая тема Крыма продолжает занимать одно их центральных мест в его лирике следующих 3 лет» [9, с. 104]. В стихах Пушкина «душевный жар сливался с живым восприятием природы <...> Яркие и чистые краски характерны для романтического периода ...» [9, с. 105].

Не в меньшей степени в лирике юга найдем сильные впечатления Крыма в антологических стихах, где присутствует мифологическая традиция Греции. «Я видел Азии бесплодные пределы...», «Нереида», «Муза», «Прозерпина», «О боги мирные полей, дубров и гор...» — стихи, написанные под влиянием «мифологических преданий» [7, VI, с. 430], которые так важны Пушкину. Он не переставал ценить «великолепную, классическую, поэтическую Грецию, где всё дышит мифологией и героизмом; классическую ясность, гармоническую стройность античного искусства» [15, с. 123].

Томашевский считает, что «в зависимости от Муравьева» находятся в пушкинском «Отрывке» «замечания о Георгиевском монастыре» [9, с. 117], когда он видит «баснословные развалины храма Дианы. Видно, — признается Пушкин, — мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждающим богам
Дымилась жертвоприношенья...» [7, VI, с. 430].

В противоположность Муравьеву, у которого много сомнений в реальности мифа об Ифигении, в реальности места положения храма Дианы и которого «привлекают только исторические воспоминания», Пушкин старается ответить стихами о своей верности мифологическим преданиям, связанным с Тавридой [14, с. 36–37].

Не случайно Пушкина занимает легенда о Марии Потоцкой, известная в Крыму, вылившаяся в поэтический замысел поэмы «Бахчисарайский фонтан» [4, с. 49]. Томашевский считает, что у Пушкина «намеренно туманно сказано, от кого <...> услышал легенду о Марии Потоцкой» [9, с. 118], потому что он не придавал большого значения ее достоверности. И все-таки первые публикации поэмы содержат выписку из книги Муравьева. По наблюдениям С. А. Фомичева, «Г. О. Винокур, занимавший творческой историей поэмы, самыми ранними набросками считает следующие:

Там некогда [мечтами упоенный]
Я посетил дворец уединенный» [13, с. 76].

Таким образом, воспоминания о посещении Бахчисарая, дворца, фонтана, гарема, крымское предание о любви хана к пленнице-польке стали толчком к замыслу поэмы. Работу Пушкина над «Бахчисарайским фонтаном» подробно проследил Б. В. Томашевский, который сделал вывод о том, что личные впечатления Крыма, сыгравшие в ней самую важную роль. Хотя были некоторые материалы из литературных источников: «Тавриды» Боброва, произведений Байрона, «Лалла-Рук» Мура. В свою очередь, «Бахчисарайский фонтан», построенный на «противоположении мира христиански-европейского и мусульманского» [9, с. 123] станет толчком к оригинальным «Подражаниям Корану», к которым Пушкин обратится в 1824 году в Михайловском. К религиозным мотивам ислама он подходил уже во вставленной в поэму «Татарской песне»:

Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет. [7, IV, с. 134].

В «Подражаниях Корану» Белинский, а затем Достоевский и Страхов увидели способность Пушкина к перевоплощению, что для Достоевского явилось проявлением двух начал: всемирности и народности его поэзии. Е. А. Маймин значение «Бахчисарайского фонтана» видит в том, что он «оказывается художественно ценным не только сам по себе, но и не менее того — как начало чего-то очень важного, значительного в художественном творчестве Пушкина. «Бахчисарайский фонтан» открывает в пушкинской поэзии новые пути и новые сферы художественного изображения» [5, с. 54].

Вслед за Б. В. Томашевским и Е. А. Майминым И. З. Сурат и С. Г. Бочаров подводят итог глубокого значения «Бахчисарайского фонтана» в творческой биографии Пушкина: «В поэме открываются темы, которые станут сквозными у Пушкина: интерес к мусульманскому миру с его устоями и культурой — вскоре породит пушкинские «Подражания Корану» (1824); противоречие двух женских типов, страстного и смиренного, которое будет у Пушкина возобновляться (стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...», 1831?); а сквозь эту женскую типологию проступает более крупное противоречие и драматическое столкновение религиозно-культурных миров — восточного магометанства и европейского христианства (символ креста, встающий между двумя героинями в сцене их встречи)» [8, с. 35–36].

«Бахчисарайский фонтан» замыкает романтический период в поэзии Пушкина, который во многом сформировался под влиянием крымских и кавказских впечатлений. Для Пушкина Крым наряду с Кавказом явились тем Востоком, который воспевали европейские романтики.

Память о Крыме для Пушкина и его творчества оказалась удивительной и устойчивой. Не случайно Пушкин заканчивал «Отрывок из письма к Д.» таким вопросом: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?» [7, VI, с. 431]. Память о крымских впечатлениях как «сильная способность души нашей» живет, что совершенно естественно, в произведениях поэта южной ссылки и способствует расцвету целого романтического периода.

Но вот признание Пушкина в письме 10 ноября 1836 г. князю Н. Б. Голицыну: «Как я завидую Вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина» [11, с. 8]. Таким образом, Крым — место, которое способствует началу первого русского реалистического романа и русского реализма.

В Гурзуфе, с помощью сестер Раевских, Пушкин делал первые попытки познакомиться с Байроном по подлинникам. П. Бартенев пишет: «Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского-сына... Пушкин часто разговаривал и спорил с старшею Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона» [2, с. 36]. Тогда же его привлекли стихотворные строфы «Дон-Жуана». Так возник совершенно новый замысел. «<...> я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница! Вроде Дон-Жуана <...>» [6, с. 167], — сообщал Пушкин Вяземскому.

Можно сказать, что толчком к созданию «свободного романа», в первую очередь, его формы, стали Байрон и Крым. Хотя поэт обратился к строфической форме романа в стихах, уже пережив увлечение английским поэтом, отдав ему должное в своих южных поэмах. С. А. Фомичев в статье «В роде Дон-Жуана...» замечает: «Равноправие автора в системе образов пушкинского произведения, и его строфическая организация генетически связаны с «Дон-Жуаном», при всем различии лирической темы и собственно строфы в этих двух романах. Полное же несходство их сюжетного решения представляется безусловным» [12, с. 18].

Действительно содержание романа Пушкина было абсолютно русским. Романтическое байроновское начало, свойственное южному, в том числе крымскому творчеству, было переосмыслено, и «Евгений Онегин» стал первым реалистическим романом в русской литературе. Первый биограф поэта П. В. Анненков справедливо напишет: «История развития байронического направления и есть собственно история Пушкина за все его пребывание на юге России. Там он приобрел его и там же пережил его и победил» [1, с. 112].

О Крыме Пушкин вспомнит в «Путешествии Онегина». Герой оказывается в Нижнем Новгороде, Астрахани, на Кавказе, в Крыму, в Одессе. Посещение Онегиным Тавриды Пушкин описывает так:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там заколося Митридат,

Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал [V, 171].

И снова, как в молодости, на юге, Пушкин живет мифологическими преданиями и мифологическими образами, которые мирно уживаются с современностью. Снова Пушкин вспоминает священную природу края, восточный бытовой колорит, которые все те же:

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар....
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь [7, V, с. 171–172].

Этот отрывок впервые опубликован в «Литературной газете» в 1830 году.

Таким образом, память о Крыме сопровождает Пушкина практически всю его творческую жизнь и воспоминание оказывается у Пушкина «самой сильной способностью души» [7, VI, с. 431].

Литература

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: «Лимариус», 1998.
2. Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. С. 36 // Электронный ресурс: URL: <http://iknigi.net/>
3. Выготский Л. С. Психология искусства / Общ. ред. В. В. Иванова, коммент. Л. С. Выготского и В. В. Иванова, вступит. ст. А. Н. Леонтьева. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.
4. Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтан» / Пушкин. Исследования и материалы. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1982.
6. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1982.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
8. Сурат И., Бочаров С. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002.
9. Томашевский Б. В. Пушкин. Т. II. М.: Худож. лит., 1990.
10. Томашевский Б. В. Отрывок из письма к Д. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VI. Л.: Наука, 1978.
11. Фомичев С. А. «Евгений Онегин» Движение замысла М.: Русский путь, 2005.
12. Фомичев С. А. «В роде Дон-Жуана» (о замысле романа «Евгений Онегин») // Проблемы современного пушкиноведения. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1991.
13. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986.
14. Формозов А. А. Пушкин и древности. М.: Наука, 1979.
15. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.